

Путь к империи

Эта книга — поистине уникальное собрание исторических свидетельств о жизни одного из величайших военных и государственных деятелей человечества — Наполеона Бонапарта. Преобразователь Европы, военный реформатор, гений тактики и стратегии, захватчик и авантюрист, кумир и враг миллионов, в одиночестве и безвестности умерший на далеком острове, — вот герой и главный автор этой книги.

Замечательная особенность данного издания — то, что отчеты Наполеона о военных кампаниях, его выступления и письма дополняются рассказами современников - сторонников и противников великого полководца - о выдающейся и трагической фигуре этого одинокого гения.

НАПОЛЕОН
БОНАПАРТ

ПУТЬ
К ИМПЕРИИ

Издательский дом
«СВАРОГ»
Киев – 2023

УДК 93/94(47)
Б 81

Бонапарт, Наполеон

Б 81 Путь к империи / Наполеон Бонапарт. — Киев: Изд. дом «СВАРОГ», 2023. — 830 с.

ISBN 978-966-370-736-5

Эта книга — поистине уникальное собрание исторических свидетельств о жизни одного из величайших военных и государственных деятелей человечества — Наполеона Бонапарта. Преобразователь Европы, военный реформатор, гений тактики и стратегии, захватчик и авантюрист, кумир и враг миллионов, в одиночестве и безвестности умерший на далеком острове, — вот герой и главный автор этой книги.

Замечательная особенность данного издания — то, что отчеты Наполеона о военных кампаниях, его выступления и письма дополняются рассказами современников - сторонников и противников великого полководца - о выдающейся и трагической фигуре этого одинокого гения.

ISBN 978-966-370-736-5

УДК 93/94(47)

© Издательский дом «Сварог», 2023.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Глава I

Исторический момент. – Детство Наполеона. – Период корсиканского патриотизма. – Революционные мысли. – Протест в Национальное собрание. – Речи о счастье. – Прозрение к людям.

«Я родился, когда 30 000 французов, ринувшись на берега моей родины, залили престол свободы потоками крови... Крики умирающих, стоны и жалобы обиженных, слезы отчаяния окружали мою колыбель... Я родился, когда умерло мое отечество!..»

Такими краткими и сильными словами, в письме к корсиканскому национальному герою Паоли, написанном в июне 1789 года, Наполеон определяет исторический момент своего появления на свет. Действительно, будущий повелитель Франции и победитель Европы увидел свет в августе 1769 года, как раз в то время, когда его родина Корсика снова подпала под французское владычество. Предки его были итальянского происхождения, родом из Тосканы, где они получили дворянское достоинство, а отец его, Карло Буонапарте, был скромным адвокатом в Аяччо.

Когда началось в Корсике национальное движение, то Карло Буонапарте примкнул к нему, как и все его соотечественники, и даже был секретарем народного вождя Паоли, для которого он составил воззвание, призывавшее корсиканцев

на последнюю борьбу. Мать Наполеона, Летиция Буонапарте, сопровождала своего мужа в лагерь Паоли, перед последним решительным сражением, происходившим в мае 1769 года.

После поражения корсиканцев Паоли отправился в изгнание, но Карло Буонапарте не последовал за ним. Он перешел на сторону победителей и сделался одним из самых ревностных членов французской партии, за что, конечно, пользовался покровительством новых господ Корсики. Он даже не раз ездил в Версаль в качестве депутата от местного дворянства. Во время одного из таких путешествий он умер, оставив без всяких средств жену и восемь человек детей. Наполеону было тогда пятнадцать лет.

Отец Наполеона, за свои услуги французскому правительству, получил право отдать одного из своих сыновей за королевский счет в бриеннскую военную школу. Он отдал туда своего второго сына, Наполеона, когда ему шел десятый год. Старший же его сын, Иосиф, готовился в то время к принятию духовного звания.

Карло и Летиция Буонапарте, родители Наполеона

Бриеннская школа была одним из двенадцати учебных заведений, основанных Людовиком XV для сыновей офицеров. Но кроме формы, которую носили воспитанники, это учебное заведение ничем не напоминало своего назначения. Оно находилось под руководством францисканцев, из числа которых были и большинство учителей.

Программа обучения была весьма узкая: изучение французской литературы, упражнение в стиле, немного истории, географии и математики, латинского и немецкого языков. Но больше всего места отводилось религиозному обучению. Курьезнее всего то, что в этой военной школе совсем не проходили предметов, которые могли бы служить подготовкой к военной службе.

В сущности, это был монастырский пансион, по духу и по своей организации, с очень строгими правилами и религиозными упражнениями. Воспитанников никуда не выпускали из школы, и они не смели ничего получать из дому – ни денег, ни подарков. Такое воспитательное заведение, впрочем, вполне отвечало духу старинной монархии, объединяющей корону, аристократию и церковь. Товарищи Наполеона принадлежали к семьям, которые уже многие века находились на королевской службе.

Для них такое воспитательное заведение казалось вполне естественным, так как традиции их семей были такими же. Но каково было там корсиканскому мальчику, который даже и говорить-то не умел хорошо по-французски! Как должен был чувствовать себя маленький корсиканец, из которого насильно хотели сделать француза, среди товарищей, относившихся к нему свысока и подсмеивавшихся над его выговором и над его странным именем!

Само собой разумеется, что ранние впечатления, полученные Наполеоном на родине, залегли у него глубоко в душе. Корсику он всегда считал своим отечеством, вплоть до того момента, когда бесповоротно связал свою судьбу с судьбою Франции. Хотя он был увезен из Корсики девятилетним мальчиком, он страстно любил ее, и даже любимым его героем был корсиканский патриот Паоли.

Наполеон прямо-таки боготворил его. Нет сомнения также в том, что многие черты корсиканской жизни оставили в характере мальчика глубокие следы, и многие из историков Наполеона находили, что в лице его как бы воскресли его предки, итальянские кондотьеры.

Ничто не связывало Наполеона с французским королем и его страной, и к Франции он относился неприязненно, видя в ней поработительницу своего отечества. Поэтому он в школе держался особняком от своих товарищей, французских дво-

рянчиков, к чему, впрочем, побуждали его и самолюбие, и его бедность. Сначала ему было трудно учиться, потому что он плохо знал язык. Но настойчивость и сила воли помогли ему, и он скоро выделился по математике и истории.

Математику он изучал с большим рвением, потому что мечтал сделаться моряком. История же давала ему пищу для его фантазии, и он прятался где-нибудь, в самых уединенных закоулках сада и школы, чтобы читать Плутарха, упиваясь великими образами классического мира, которые всегда сливались у него с корсиканскими воспоминаниями о старых временах, о своих предках и о последних борцах за корсиканскую свободу, воплощавших в его глазах все идеалы античного мира героев.

Благодаря своему упорному труду в бриеннской школе Наполеон был переведен в 1784 году в Парижскую военную академию. В этом году он в последний раз виделся с отцом, который умер в марте следующего года от той же болезни, от которой умер впоследствии и Наполеон на острове Святой Елены.

Парижская военная академия, куда попал Наполеон, была таким же созданием Людовика XV и лишь ступенью выше бриеннской школы. В ней также клерикальный дух смешивался с аристократическим, но устройство ее, пожалуй, было еще более аристократичным и элегантным. Воспитателями были генералы и придворные кавалеры; ученики же принадлежали к самым знатным фамилиям в государстве. Кроме научных предметов, там преподавалась верховая езда, фехтование и танцы, и на это было обращено большое внимание.

Однако в военной школе Наполеон пробыл недолго. Он слушал там, между прочим, знаменитого математика Монжа. Но его больше всего интересовала прикладная сторона науки, и за это немец, преподаватель философии, обзвал его однажды скотиной. Учителя считали его способным и прилежным, но он досаждал им своим характером, резким и вспыльчивым,

и они аттестовали его как «очень самолюбивого и чрезвычайно честолюбивого юношу, который может пойти далеко, если обстоятельства будут благоприятствовать».

Кроме того, Наполеон, по-видимому, нисколько не скрывал своих корсиканских чувств, и это порою возмущало его учителей и многих из его товарищей, которые рисовали на него карикатуры, изображая, как он спешит на помощь корсиканскому герою Паоли. Духовник школы даже считал нужным заговорить с ним об этом на исповеди и напомнить ему о его обязанностях по отношению к королю.

Наполеон вспыхнул и резко ответил: «Я сюда пришел не затем, чтобы разговаривать с вами о Корсике. Это не входит в обязанности священника – читать мне по этому поводу наставления!..» С этими словами он вышел из исповедальни.

Наполеон в возрасте 16 лет
(рисунок чёрным мелом неизвестного автора)

Учитель французского языка Домерон сравнивал стиль его сочинений с «гранитом, разогретым в вулкане». И, пожалуй, это наиболее верная характеристика бурнопламенного стиля его юношеских сочинений.

Осенью 1785 года Наполеон был уже выпущен в офицеры. Очень возможно, причиной такого ускоренного выпуска было то, что начальство школы хотело от него отделаться поскорее. Во всяком случае, шестнадцатилетний Наполеон получил чин артиллерийского подпоручика и был отправлен в провинцию, в Валанс, где находилась его бригада.

Именно она-то и была настоящей военной школой для него. В Валансе Наполеон постоянно чувствовал свое одиночество, запоем читал исторические и политические книги, которые были тогда в ходу. Из них на него особенно сильное впечатление произвели «Общественный договор» Руссо и «Философская история» Рейналя. Все это время он, по-видимому, с большим трудом переносил двойственность своего положения – как корсиканского патриота, вынужденного служить в армии угнетателей своей родины.

С внешней стороны, впрочем, он не навлекал на себя никаких порицаний начальства, в гарнизоне был хорошим товарищем и хорошим служакой и горячо стоял за честь корпорации. Но внутренняя его жизнь была обособлена, и чувства одиночества и глубокой меланхолии всецело владели его душой. Притом же его не могла удовлетворить гарнизонная служба, не дававшая выхода и простора его силам и энергии. К этому у него примешивалась и ненависть к стране, где он был чем-то вроде заложника.

О его мучительном душевном состоянии можно судить по строкам, написанным им в дневнике по случаю шестидесятилетней годовщины дня рождения Паоли, весной 1786 года. Он говорит о праве бороться с тиранией и подкрепляет свои слова цитатами из Руссо.

«Корсиканцы, по праву справедливости, свергли иго генуэзцев и могут с таким же правом сделать это с французами...» Далее он говорит: «Всегда один среди людей, я возвращаюсь назад к своим думам, к своим мечтам и предаюсь меланхолии. Куда обращаются мои мысли? К смерти! А между тем я, на заре жизни, могу рассчитывать на долгие годы... Шесть или семь лет не был я в своем отечестве. Как я буду счастлив, когда увижу снова своих соотечественников, своих родных. Что же в таком случае заставляет меня думать о смерти?..»

На этот вопрос, который Наполеон задает себе, он отвечает, что хочет умереть, потому что свобода исчезла из мира, потому что люди стали трусливы, пошлы и раболепны! «Что я увижу на своей родине? – говорит он. – Мои соотечественники закованы в цепи, целуют руки своих притеснителей!.. Это уже не прежние доблестные корсиканцы, гордые и свободные, враги тиранов, роскоши и презренных царедворцев! Французы, вместе со свободой, похитили и добрые нравы... Что же мне делать в таком мире, который вынуждает меня хвалить людей, которых я должен ненавидеть?.. Если бы я мог, уничтожив одну человеческую жизнь, освободить свою родину, то я тотчас же всадил бы в грудь тирана свой мстительный меч!..»

Он заканчивает эту страстную тираду следующими мрачными строками: «Жизнь мне стала в тягость, потому что я не могу испытывать больше никакой радости, никакого удовольствия, а все мне доставляет страдание. Она мне в тягость, потому что люди, среди которых я живу и буду жить, по своим чувствам и мыслям так далеки от меня, как свет солнца от сияния луны. У меня нет ничего, что скрашивало бы мне жизнь, поэтому мне все противно...». Позднее Наполеон определит это душевное состояние следующими словами: «Кто ведет такое ужасное, монотонное существование, когда и в настоящем и в будущем один день похож на другой, кто постоянно должен спрашивать себя: зачем я родился? – тот в самом деле несчастнейший из людей!..»

Как это ни странно, но этот будущий завоеватель раньше всего мечтал осуществить свои честолюбивые стремления на литературном поприще. Он задумал написать историю Корсики и довел ее до последнего восстания с Паоли во главе. Историк Рейналь, которому он послал свою рукопись для просмотра, дал о ней лестный отзыв и советовал продолжать работу.

Между тем во Франции назревала революция. Наполеон, в голове которого бродили тогда идеи Руссо и Рейналя, чувствовал себя чужим среди офицеров, принадлежащих к дворянскому кругу, и всегда искал сближения со «штатскими» – адвокатами, чиновниками, буржуа, также проникнутыми идеалами Руссо. Поэтому когда вспыхнула революция, то Наполеон, которому было тогда двадцать лет, тотчас же сделался ее сторонником.

Для характеристики его взглядов в то время может служить план рассуждений о королевской власти, написанный им в дневнике в 1788 году. Он говорит: «Вначале должны быть приведены общие соображения о происхождении того значения, какое для ума людей получало имя короля, и должно быть указано, что военное правление этому благоприятствует. Затем должны быть приведены подробности о той узурпированной власти, которой пользуются короли в двенадцати европейских государствах».

В заключение он высказывает мысль о том, что вообще существует очень мало королей, которые не заслуживали бы быть низложенными!

Когда осенью 1789 года Наполеон опять поехал в отпуск на родину, то старый порядок во Франции уже лежал в руинах. В Корсике все еще было по-прежнему, хотя уже намечалось некоторое движение. Представителями корсиканского духовенства и дворянства в генеральных штатах были два приверженца старой монархии: граф Буттафуоко и аббат Перрети делла Рока.

Третье же сословие было представлено адвокатом Салисетти и графом Колонна да Чезарио Рокка, племянником Паоли. Однако обе партии, как монархическая, так и революционная, стремились найти поддержку у Франции; только революционная партия мечтала найти эту поддержку у новой Франции, так как старая была врагом корсиканских патриотов.

Можно себе представить, с каким жаром Наполеон присоединился к движению, когда оно возникло на Корсике. Молодой честолюбец, конечно, мечтал воспользоваться переворотом, чтобы самому играть роль в истории острова. Он убедил своих сограждан нацепить трехцветную кокарду, открыть политический клуб и обратиться с воззванием к народу, чтобы образовать национальную гвардию. Конечно, дело не обошлось без бурных и даже кровавых столкновений между народом и войском.

Однако корсиканские революционеры, по-видимому, не думали об отложении от Франции. Адресы и петиции корсиканских патриотов, обращенные в Национальное собрание в Париже, были не только подписаны Наполеоном, но главным образом им же составлены, и они нашли там полное сочувствие, выразившееся в резолюции считать остров частью французского государства и дать ему такую же конституцию, как во Франции. Решено было также вернуть изгнанников, и во главе их Паоли, в свое отечество.

«Из недр нации, над которой властвовали наши тираны, – писал Наполеон тогда, – вырвалась электрическая искра. Эта просвещенная, могущественная и благородная нация вспомнила о своих правах и своей силе. Она сделалась свободной и захотела, чтобы и мы сделались свободными. Она раскрыла нам свои объятия, и с этой минуты мы имеем одни и те же интересы, одни и те же заботы. Море больше не разделяет нас...»

Наполеон опять получил отпуск в 1790 году на полгода, но он сам продлил его больше чем на год, то есть до января 1791 году. В этот промежуток времени он увиделся с Паоли, который возвращался на свою родину как триумфатор. В депутации, которую корсиканцы отправили во Францию встречать своего национального героя, участвовал также старший брат Наполеона, Иосиф.

По рассказам последнего, между Наполеоном и Паоли, перед которым он некогда так преклонялся, сразу обнаружилась разногласия. Между прочим, Наполеон обидел Паоли своим замечанием. Когда Паоли описывал ему последнее сражение и расположение своих отрядов, то Наполеон сухо сказал: «Такая диспозиция войска не могла иметь другого результата, кроме поражения».

Однако местные власти в Аяччо не очень одобряли деятельность Наполеона. В Аяччо тогда происходила горячая борьба партий, и Наполеона подозревали в том, что он хочет, низвергнув правление консервативной партии, овладеть крепостью и прогнать французов. Поэтому-то гарнизон был усилен, а клуб и национальная гвардия, организованная Наполеоном, были закрыты.

Это заставило его тотчас же отправить в Национальное собрание протест, и в нем он изложил свои тогдашние политические взгляды. Протест начинается следующими словами: «Когда власти похищают права, когда депутаты, не облеченные полномочиями, называют себя народом, чтобы говорить против его желания, то частные лица имеют право соединяться, протестовать и таким образом сопротивляться притеснению...»

В другом месте он говорит: «Когда царствует тирания, когда власти не пользуются доверием, когда они нас унизили и мы имеем право их ненавидеть, можно ли говорить, что все обстоит благополучно? Можно ли требовать от нас, чтобы мы и

далее сносили это иго?..» Наполеон также написал страстный памфлет, под заглавием: «Письмо г. Буонапарте к г. Маттео Буттафуоко, корсиканскому депутату в Национальном собрании», и во всех этих протестах и литературных выступлениях он, по-прежнему, является ярким корсиканским патриотом.

Но нет никакого сомнения в том, что к его патриотизму теперь уже примешивалось, в значительной степени, честолюбие. Он хотел, так или иначе, играть роль в своем отечестве и рассчитывал добиться этого... с помощью Франции! Однако, прежде чем ему удалось достигнуть какого-нибудь прочного успеха на Корсике, ему пришлось вернуться в свой гарнизон, так как он уже и так слишком продлил свой отпуск. Однако это ему не повредило. Французская армия распалась, поэтому там рады были каждому офицеру, который возвращался под знамена. Наполеон получил даже повышение.

Он был в Валансе, когда пришло известие о попытке бегства Людовика XVI и его семьи – попытке, сразу, одним ударом, разрушавшей тот тонкий слой, который все еще прикрывал зияющую пропасть между короной и новой Францией, увеличивающуюся с каждым днем.

Наполеон мог наблюдать успехи революции. Раскол увеличивался и среди войска, где солдаты были патриотами, а офицеры аристократами. «Женщины повсюду были роялистами, – говорит Наполеон в своих записках, – и это неудивительно! Ведь свобода гораздо более прекрасная женщина, чем они, и затмевает их всех...»

Людовик XVI
в 1775 году

В полку, где служил Наполеон, раскол был очень силен. Половина его товарищей, и даже среди них его лучшие друзья, покинули знамя, оскверненное в их глазах революцией. Но тем решительнее сам Наполеон окунулся в революционный поток. В Оксонне и Валансе он так же, как и в Аяччо, посещал политические клубы и патриотические празднества.

Он даже подписывал революционные адреса, как, например, петицию, требовавшую осуждения короля, и часто выступал оратором на политических собраниях. Он ежедневно собирал своих унтер-офицеров и читал им парижские газеты. Одному из своих друзей он писал тогда: «Успокоившись на счет участи моей страны и славы моего друга (он подразумевал Паоли), я озабочен теперь только судьбой нашего общего отечества...»

Таково было настроение Наполеона в начале французской революции. Но тем не менее, когда ему пришлось присутствовать при сцене, разыгравшейся в июне 1792 года, когда народная толпа ворвалась в королевский дворец и заставляла Людовика XVI подчиниться требованиям патриотов, то он сказал своему товарищу Бурьену, что в эту «сволочь» следовало бы просто выстрелить из пушки.

Сотни четыре или пять положили бы на месте, а остальные обратились бы в бегство! До какой степени Наполеон интересовался тогда великими и жгучими вопросами современности, доказывает то, с каким жаром зачитывался он историко-политическими трактатами. Интересно то, что он тогда старательно отмечал даты и факты из истории французского дворянства и мемуаров Дюкло, которые иллюстрировали изменнические поступки и жестокость старинной монархии, испорченность дворянства и духовенства, деспотизм церкви и короны.

Он не забывал также и своих прежних литературных планов. Он хотел снова взяться за историю Корсики и даже обратился к Паоли с просьбой о материалах, но Паоли отговорил его, находя, что еще рано писать историю страны, и советовал собрать раньше только одни анекдоты и факты, которые могли бы подтвердить геройство корсиканского народа.

Впрочем, в это время Наполеон уже заинтересовался другим планом. Вероятно, по совету Рейналя он написал сочинение «Речи о счастье», на соискание премии, объявленной Лионской академией. Это сочинение, тяжело написанное, страдающее повторениями и отсутствием последовательности, все же дает возможность заглянуть в душу Наполеона, так как заключает в себе – вольные или невольные – признания.

И на этих признаниях в значительной степени отражается влияние Руссо, но только у Руссо отсутствует тот героический тон, который звучит в каждой фразе Наполеона. Кроме того, Наполеон заранее исключает из своей политической системы

социалистический элемент учения Руссо, причем во всех его собственных рассуждениях о государстве проглядывают уже воззрения повелителя. Но любопытнее всего, что он с особенной страстностью говорит о демоне честолюбия, во власти которого находились великие люди истории.

Может быть, он предчувствовал свою судьбу, когда писал эти строки, потому что он как бы старается оправдать себя в собственных глазах, говоря, что «честолюбец может принести добро». «Разве это не может служить утешением для разума, – восклицает он, – если можешь сказать себе: я обеспечил счастье сотен семейств. Я причинял себе беспокойство, но государство извлекало из этого выгоду! Мои сограждане живут спокойно, потому что я беспокоюсь, они счастливы моими работами, веселы моими печальями... Но тот, кто желает выдвинуться вперед и содействовать счастью государства, тот должен быть мужественным, сильным и гениальным, должен уметь управлять своим честолюбием, вместо того чтобы управляться им, и тогда он сможет соединить рассудок и чувство и будет обладать нравственной свободой...»

Таковы были идеалы, которые рисовал себе двадцатидвухлетний Наполеон; однако и тогда уже во многих строках, написанных им, проглядывало презрение к людям, и можно было предвидеть, что не далек момент, когда тонкий слой идеалов, прикрывающий это презрение, исчезнет, и презрение к людям превратится в презрение к идеям.

Герб семьи Буонапарте

Глава II

Крушение юношеских идеалов; честолюбие и эгоизм Наполеона. – Конец корсиканского патриотизма. – Политический памфлет. – Первый шаг к славе. – 13 вандемьера.

Наполеону жилось в это время нелегко – на то скудное жалование, которое он получал в Валансе. Он продолжал, однако, свои литературные опыты и принимал деятельное участие в политических клубах, находившихся в сношениях с парижскими якобинцами. И в Аяччо, и в Валансе он примыкал к радикальной партии. Между прочим, в 1790 году он написал брошюру – вместе со своим дядей, аббатом Феш, – «О конституционной присяге священников». Эта брошюра очень возмутила благочестивых корсиканцев, и даже один раз, во время крестного хода, его чуть было не убили возмутившиеся крестьяне.

Однако дальнейшее течение революции и окончательное крушение монархии вызвали у него совсем иные чувства, чем можно было бы ожидать, судя по его прежним взглядам. Мы говорили уже о том замечании, которое вырвалось у него, когда в Тюильрийский дворец ворвался народ. Десятого августа того же года он присутствовал при крушении монархии и говорил потом: «Я чувствовал, что если бы меня позвали, то я бы стал защищать короля.

Я был против тех, которые хотели основать республику при помощи народа, и притом я негодовал, видя, как люди в обыкновенном платье нападали на людей в мундирах...» Наполеон был вызван тогда в Париж для объяснения своего поведения на Корсике, но после восстания 10 августа и низложения короля в Париже появилось новое правительство, которое отнеслось к нему более благосклонно и даже произвело его в капралы.

Около этого времени он писал своему брату Люсьену: «Когда присмотришься ближе, то видишь, что народы вряд ли заслуживают тех стараний, которые делаются для того, чтобы снискать их расположение. Ты знаешь историю в Аяччо? История в Париже такая же, только, пожалуй, люди здесь еще ничтожнее, еще злее, еще более склонны к клевете и брюзжанию. Нужно видеть вещи вблизи, чтобы заметить, что французы – состарившийся народ, без страстных желаний и мускулов...»

В этих строках уже проглядывает презрительное отношение к людям, которое прежде скрывалось у него за юношескими идеалами свободы и пылким корсиканским патриотизмом. Он холодно смотрел в глаза действительности, равнодушно взирая на революционную бурю, бушевавшую во Франции, но зато чем далее отступали его прежние юношеские идеалы, тем сильнее выдвигались вперед его честолюбие и эгоизм.

С хладнокровием спокойного наблюдателя он пишет Люсьену, революционный пыл которого ему хотелось бы охладить: «Каждый преследует только свои интересы и хочет выдвинуться при помощи всех средств террора и клеветы. Интриги носят еще более низменный характер, чем прежде. Все это разрушительно действует на честолюбие. Надо сожалеть о тех, которые имеют несчастье играть какую-нибудь роль, хотя бы не желая этого. Жить в покое, отдаваться семье и своим наклонностям – это, мой друг, то, к чему надо стремиться, когда имеешь четыре-пять тысяч ливров ренты и перешел уже за 25-летний возраст, то есть когда фантазия и мечты уже улеглись не мучат больше человека».

Его прежние и великие стремления бороться за свое отечество, за свои возвышенные идеалы все более затушевываются. В то время как вокруг него государства и общества содрогаются в ужасной агонии, он спокойно занимается делами и... астрономией! «Я очень много занимаюсь астрономией, – пишет он брату. – Это прекрасное развлечение и гордая наука. С моими математическими познаниями я скоро смогу

овладеть этой наукой. Одним великим приобретением у меня будет больше...»

Но энергичная натура Наполеона и его гигантское честолюбие не могли долго бездействовать. В своих записках, относящихся к лету 1791 года, он цитирует строфу из стихотворения английского поэта Попа: «Чем сильнее наш ум, тем нужнее, чтоб он действовал. Покой – для него смерть, а упражнение – жизнь!»

Мир его прежних идеалов, по-видимому, уже разлетелся тогда вдребезги, но тем сильнее росло у него желание проявить себя, завоевать счастье, и, конечно, его воля и гений должны были развернуться во всю ширь, как только поле очистилось и он освободился от всяких пут, которые связывали его, под видом долга к государству и его прежней идеологии.

Впрочем, то, что творилось во Франции, могло только служить дальнейшим толчком к эволюции Наполеона, примкнувшего сначала к революции под влиянием ненависти к привилегиям и той идеологии, от которой он совершенно отрекся впоследствии. Все его дальнейшее поведение главным образом уже вращалось в сфере честолюбия и жажды деятельности, власти и славы. Идиллические представления о счастье народов, мире и свободе, с которыми революционеры начали свое великое дело, при общем восторге своих современников, быстро уступали натиску взбаламученного моря человеческих страстей.

Новые, неожиданные силы, создающие и разрушающие, поднялись со дна разверзнувшейся бездны. И вот, даже верующие и мечтатели, среди новых властителей Франции, вооружились жестокостью и хитростью и были охвачены такою жадной властью, которая не знала ни границ, ни жалости. Страсти разнуздались, и на поверхность выплывали низменные побуждения и жажда воспользоваться случаем, чтобы из этого всеобщего разгрома и борьбы страстей, извлечь для себя вы-

Оглавление

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	3
Глава I.....	3
Глава II.....	18
Глава III.....	34
Глава IV	44
Глава V.....	70
Глава VI	86
Наполеон. НАПИСАННЫЕ СОБСТВЕННОРУЧНО И ПРОДИКТОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	111
Осада Тулона (август – декабрь 1793 года)	112
Очерк операций итальянской армии в 1792– 1795 годах.....	142
Главы из описания Итальянской кампании 1796–1797 гг.....	175
Очерки военных событий, происшедших в течение второй половины 1799 г.....	476
Главы из описания кампании в Египте и Сирии (1798–1799 гг.)	528
Наполеон. ВОЗЗВАНИЯ, ПИСЬМА, РЕЧИ, БЕСЕДЫ	607
Обращение к египетскому народу	608
Палестинская прокламация.....	609
Декрет об учреждении национальных премий.....	611
Обращение к испанскому народу.....	613
Прокламация к французскому народу.....	615
Фрагмент писем из заключения. август 1794 г.....	616
Из писем Жозефине	617

Из письма вдове адмирала Брюэйса	620
Из письма королю Великобритании	621
Клятва, произнесенная на церемонии коронации 2 декабря 1804 г.....	622
Тронная речь.....	622
Из обращения к народу.....	623
Из выступления в Государственном Совете о правах детей и об усыновлении	624
Из выступления в Законодательном собрании	625
Речь в тронном зале в связи с разводом с Жозефиной	625
Из беседы с Франческо Мельци.....	626
Беседы с мадам де Ремюза	628
О Шарле Пишегрю, Жане Моро и герцоге Энгийенском	631
Устное распоряжение Наполеона Бонапарта, сделанное своему врачу за шесть дней до смерти	636
ПРИЛОЖЕНИЯ	637
Наполеон в воспоминаниях современников.....	638
Максимы и мысли узника Святой Елены.....	692
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	793
Примечания	805

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

ПУТЬ К ИМПЕРИИ

(Російською мовою)

Підписано до друку 01.05.2023 р. Формат 60x84 1/16.
Друк цифровий. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 51,85. Тираж 300 прим.

Видавничий дім «СВАРОГ»
вулиця Гната Юри, 9
м. Київ 02105

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2581 від 10.08.2006 р.

Книги, які можуть вас зацікавити

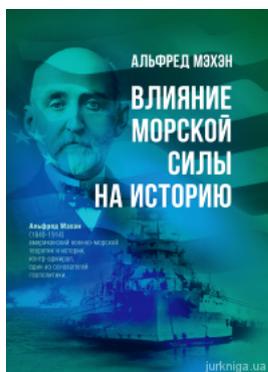
Никаких компромиссов. Беспроигрышные переговоры с экстремально высокими ставками. От топ-переговорщика ФБР

Самооборона в ближньому бою. Миська тактика для цивільних, правоохоронців та військових

Прицельное мышление. Принятие решений по методикам британских спецслужб

Влияние морской силы на историю

Работай как шпионы

Разделяй и властвуй!

Перейти до галузі права
Військове право

[Перейти на сайт →](#)